

Н.М. Стойнова, А.Б. Шлуинский

РУССКАЯ РЕЧЬ ЛЕСНЫХ ЭНЦЕВ: ЗАРИСОВКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ВЫМИРАЮЩЕГО ЯЗЫКА

The Enets people are a small number of traditional dwellers in the region of the Yenisei River. Their language belongs to the Samoyedic linguistic group. They still speak their language, which is nowadays influenced by education in Russian. Until recently, their use of Russian has not been studied. It reveals very interesting contact phenomena in different speakers, caused by nuanced circumstances in its acquisition and use. The level of penetration of the contact phenomena varies even within the neighbourhood.

0. Энцы, энецкий язык, энецкий билингвизм и материал работы

Энцы представляют собой небольшую народность, проживающую на территории Таймырского муниципального района Красноярского края. Согласно Всероссийской переписи населения 2002 г., энцев на тот момент насчитывалось 198 человек, но следует учитывать, что эта цифра в высшей степени условна: даже в старшем ныне живущем поколении в возрасте 45-65 лет и тем более среди более молодых людей, с этнической точки зрения, многие энцы в действительности являются потомками смешанных браков, и их самоидентификация как энцев или как не-энцев зависит от самых разных социокультурных факторов. Общее число ныне живущих носителей языка, согласно нашим данным, – не более 50 человек, все старше 45 лет. Следует отметить, что и данная численная оценка условна, поскольку идентификация определенного индивидуума как «еще носителя» или «уже не носителя» также имеет субъективный характер, и среди лиц, определяемых нами как носители энецкого языка, безусловно, представлены носители с разным уровнем компетенции.

Энецкий язык относится к самодийской ветви уральских языков; основным опубликованным источником по его грамматике остается очерк (Терещенко 1966). Представлены два диалекта энецкого языка: тундровый и лесной. Носители тундрового диалекта проживают в пос. Воронцово и тундре, приписанной к пос. Тухард, а носители лесного диалекта – в пос. Потапово и в г. Дудинка. Во всех случаях энецкий язык не используется или почти не используется в повседневном общении; во всех случаях языком повседневного общения является русский, на котором все носители энецкого языка говорят свободно; исключение составляют тундровые энцы из Тухардской тундры, основным бытовым языком которых является ненецкий, но и они свободно владеют русским языком.

В настоящей заметке мы рассматриваем особенности русской речи носителей лесного диалекта энецкого языка, проживающих в поселке Потапово. В этом поселке проживают представители различных национальностей (энцы, ненцы, отдельные представители других коренных национальностей Таймыра – долган, эвенков, нганасан, поволжские немцы, русские, отдельные представители других национальностей России и бывшего СССР), но единственным действующим языком общения в этом населенном пункте является русский¹.

---

¹ Отметим, однако, что, несмотря на это, по крайней мере среди людей старше 45 лет сохраняется национальная идентичность. Так, по нашим наблюдениям, энцы, безусловно, воспринимают других энцев как в большей степени «своих», чем ненцев, не говоря о немцах и русских.

Обсуждаемый здесь материал собран во время экспедиций в пос. Потапово с целью изучения лесного диалекта энецкого языка². В общей сложности в Потапово было проведено пять экспедиций: в сентябре 2005 г. (О.В. Ханина, А.Б. Шлуинский), в марте – апреле 2008 г. (О.В. Ханина, А.Б. Шлуинский), в августе 2008 г. (А.Б. Шлуинский, С.А. Трубецкой), в июле – августе 2009 г. (А.Б. Шлуинский, М.А. Овсянникова), в июне – июле 2010 г. (А.Б. Шлуинский, М.А. Овсянникова, Н.М. Стойнова)³. С одной стороны, мы активно используем спонтанные наблюдения за русской речью наших энецких информантов, возникавшие у нас в процессе работы. С другой стороны, мы используем материал аудиозаписей (общее количество около 4 часов) естественной речи на русском языке; изначально данные аудиозаписи были сделаны как вспомогательный материал для исследования энецкого языка (русские пересказы энецких бытовых рассказов, культурологическая информация, биографическая информация).

Фактически, мы рассматриваем здесь в основном речь четырех человек (которым мы выражаем нашу глубочайшую благодарность): Николая Ивановича Силкина (1945 г.р.), Надежды Константиновны Болиной (1946 г.р.), Леонида Дмитриевича Болина (1947 г.р.), Александра Спиридоновича Болина (1953 г.р.). Указанные лица имеют следующие особенности. С одной стороны, все они являются наиболее полными носителями энецкого языка (в частности, от них записан самый большой корпус современных энецких текстов, с ними велась интенсивная грамматическая работа по энецкому языку), в силу чего именно у них естественно ожидать наиболее заметного влияния их родного энецкого языка на постоянно используемый ими ныне русский. С другой стороны, все они наиболее существенный период своей взрослой жизни вели традиционный образ жизни, работая в оленеводстве в тундре, в силу чего их русская речь в меньшей (хотя и разной) степени подверглась влиянию более стандартной системы, а потому представляет значительный интерес⁴. Оговорим при этом, что, вне всякого сомнения, мы говорим о лицах, свободно владеющих русским языком с детства – по их собственному свидетельству, они не говорили по-русски в раннем детстве, но быстро освоили русский язык после поступления в школу, т.е. в возрасте 7 лет.

1. Типы несоответствия русской речи лесных энцев русской литературной норме

То обстоятельство, что в целом русская речь лесных носителей лесного диалекта энецкого языка не соответствует русской литературной норме, очевидно при первом знакомстве с ними. Более пристальное ее изучение показывает, что есть как минимум три различных и независимых друг от друга источника данного несоответствия.

Во-первых, русский язык, на котором говорят наши информанты, насыщен множеством особенностей, не имеющих прямого отношения к их билингвизму в целом и к тому, что их первым языком был энецкий, в частности. Так, если определенная лексема, нестандартная морфологическая модель или нестандартная синтаксическая конструкция существует не только в русской речи энцев, но и в русской речи других жителей Потапова, или Таймыра в целом, или, тем более, жителей других регионов, то, очевидно, мы имеем дело с регионализмом, который в частности используется и среди тех носителей русского языка, для кого этот язык не первый. В качестве простейшего и

---

² Экспедиции проводились в рамках «Документация энецкого языка: оцифровка и анализ архивных материалов и полевая работа с последними носителями» (Б. Комри, О.В. Ханина, А.Б. Шлуинский) при финансовой поддержке международного фонда «Программа документации языков, находящихся под угрозой исчезновения» (“Endangered Languages Documentation Programme”, ELDP) при Институте Азии и Африки Лондонского университета.

³ Авторы благодарны другим участникам экспедиций за постоянное (и неизбежное) обсуждение локального варианта русского языка.

⁴ Русская речь носителей энецкого языка, проживающих в г. Дудинка, даже при хорошем знании ими родного языка, существенно ближе к нормативной.

наиболее тривиального примера приведем всем известные формы типа *звóнит* или *звóнят*, не признанные литературной нормой, но употребляемые повсеместно, в том числе и нашими энецкими информантами. Очевидно, что географические границы разных регионализмов различные: форма *звóнит* не является нормативной, но знакома авторам с детства как общеупотребительная и в московском просторечии; форма *одеёт* (вместо нормативного *одевает* или *надевает*) распространена куда менее широко, но известна и в других регионах Сибири и, во всяком случае, употребительна в русской речи представителей других коренных национальностей Таймыра⁵; форма единственного числа *санка* (вместо нормативного *сани* или *санки*) является единственно возможной в описываемой нами русской речи лесных энцев в Потапове, но не используется, к примеру, в русской речи тундровых энцев в Воронцове⁶. Мы не ставим перед собою цели указать степень локальности отмечаемого нами регионализма, а только отмечаем наиболее яркие факты данного типа в речи лесных энцев. Описываемые нами регионализмы естественно делятся на три группы: лексические регионализмы – лексемы, либо не представленные в литературном языке, либо имеющие в литературном языке другое значение или значения; морфологические регионализмы – использование для определенных лексем или групп лексем морфологической модели, не тождественной литературной; синтаксические регионализмы – синтаксические конструкции, не соответствующие литературной норме.

Во-вторых, часть особенностей речи наших информантов связана с тем, что русский язык – пусть и в своем региональном нелитературном варианте – был ими усвоен не полностью или, что трудно отличить от предыдущей возможности, был ими усвоен не только и не столько от полноценных носителей русского языка, а от предыдущего поколения энцев или, возможно, представителей других коренных национальностей, часть которых владела русским языком плохо. Ярчайшим и весьма распространенным примером данного типа несоответствия норме являются ошибки на род русских существительных, типа *этот собака*. Действительно, данный тип отклонения от литературного языка отличается от регионализмов тем, что местные русские или более грамотные представители коренных национальностей, активно используя регионализмы первой группы, ошибок такого рода не делают. С другой стороны, здесь не может идти речь и о влиянии родного языка, потому что в целом существование категории рода нашими информантами усвоено, хотя в энецком (как и других местных языках) рода или других систем именной классификации нет.

Наконец, в-третьих, наиболее интересный случай представляют собой особенности русской речи лесных энцев, обусловленные влиянием их родного энецкого языка. Если определенное явление в русской системе наших информантов не соответствует русской литературной норме, но имеет очевидный аналог в энецкой системе, естественно связать эти факты. Среди черт русской речи энцев, обусловленных влиянием энецкого языка, мы выделяем следующие группы: фонетические особенности, связанные с фонетической системой энецкого языка; лексические кальки – употребление русских лексем в значениях, присущих их ближайшим энецким аналогам, но не самим этим лексемам в русском языке; грамматические кальки – использование каких-либо русских средств

---

⁵ Один из авторов был случайным свидетелем следующей сцены. Девушка-ненка из Тухардской тундры приветствовала утром ночевавших в ее чуме гостей – ветеринаров и лингвиста – репликой *Мальчишки, встаём, штанишки одеём!* Несколько минут спустя один из ветеринаров, уроженец г. Николаева, в русской системе которого, пусть и не вполне нормативной, данная форма отсутствует, процитировал реплику девушки, произвольно ее исправив, так: *Встаём, мальчишки, одеваем штанишки!*

⁶ Когда один из авторов, работая в Воронцове почти непосредственно после работы в Потапове, по привычке использовал эту форму при сборе грамматического материала, воронцовские информанты исправляли ее на привычную им литературную форму *сани*.

для (частичной) передачи энецких грамматических категорий или калькирование энецких синтаксических конструкций.

Мы сознаем, что отнесение того или иного частного случая к одной из перечисленных трех групп – регионализмам, недостаточной освоенности русского языка, влиянию энецкого языка – часто имеет весьма условный характер. С одной стороны, иногда бывает сложно провести границу между данными типами по существу. Так, энецкая калька могла быть введена в обиход в каком-то из предыдущих поколений и усвоена нашими информантами как часть системы русского языка – в том виде, в каком им владели их родители. Более того, поскольку и грамматика, и лексическая полисемия энецкого языка во многом сходна с близкородственными ему ненецким и нганасанским, а до определенной степени – и с ареально и типологически близкими эвенкийским и долганским, невозможно исключать влияние систем коренных языков на региональный вариант русского⁷. С другой стороны, мы не проводили специального исследования русской речи таймырских русских и представителей других коренных национальностей, так что наши соображения о том, присутствует ли то или иное явление в их речи, базируются на весьма отрывочных впечатлениях.

2. Регионализмы: более широкая нелитературная норма

В этом разделе рассматриваются некоторые особенности регионального варианта русского языка, используемого как лесными энцами, так и их неэнецкоговорящими соседями, не обусловленные непосредственным влиянием энецкого языка. Вопрос о географическом распределении каждого из описываемых ниже явлений (поселок Потапово, Таймырский полуостров, север Сибири и шире) требует специального исследования, наши наблюдения, основанные исключительно на записях, сделанных нами в поселке Потапово от носителей энецкого языка, призваны дополнить имеющиеся данные по разновидности русского языка, характерной для данного региона, но не претендуют на общую картину.

2.1. Лексические регионализмы

В речи лесных энцев нами зафиксированы лексические регионализмы двух типов. К первому типу (этнографизмы) принадлежат лексемы, оставшиеся за пределами или на периферии литературной нормы потому, что стоящие за ними реалии характерны только для данного региона. Ко второму типу (собственно регионализмы) принадлежат лексемы, для которых есть аналоги в литературном языке.

К первому типу можно отнести такие лексемы, как *болók* ('передвижной домик на полозьях'), *кáмус* ('шкура с ног оленя'), *мáут* ('веревка для ловли оленей'), *мáлица* ('мужская верхняя одежда'), *аргиши́ть* ('перекочевывать на оленях вместе с оленьим стадом'), *арги́и* ('караван из оленьих упряжек'), *пасть* ('капкан из нескольких бревен'), *согудать* ('есть свежее сырое мясо и/или пить свежую кровь'), *дикий* (сущ. 'дикий олень') и *диковать* ('охотиться на диких оленей'), *лайда* ('широкая равнина, поросшая травой'). Слово *кораль*, существующее в литературном языке в значении 'загон для скота', в данном регионе используется в специальном значении: '1) разделение стада на части; 2) сетка для разделения стада на части'. В данной работе мы не будем подробно останавливаться на истории и географическом распространении слов этого класса.

Ко второму типу можно отнести такие лексемы, как *мало-мало* ('немножко, малопомалу'), *балдеть*, *балдануть*, *балдой* ('пить (водку)', 'выпить', 'пьяный'), *расшепёрить* ('расщепить (конец палки)').

---

⁷ Ниже мы во всех тех случаях, когда особенность русской речи энцев может быть объяснена как влияние энецкого языка, описываем ее именно таким образом.

Нейтральным для используемой жителями Потапова разновидности русского языка является употребление лексемы *век* в значении 'долго', воспринимаемое носителями литературной нормы как архаичное или стилистически окрашенное.

Интересен зафиксированный в речи лесных энцев неологизм *тефаль* ('электрический чайник марки «Тефаль» > 'любой электрический чайник')⁸.

Отмечается в речи лесных энцев характерное для северных говоров наличие в системе терминов родства противопоставления 'младший vs. старший сиблинг': для обозначения младшего сиблинга используются специальные термины *сестренка* и *братушка*, теряющие коннотации, свойственные им в литературном русском языке. Расщепление 'младший сиблинг' vs. 'старший сиблинг' есть и в энецком языке, но там оно устроено иначе: есть нейтральные термины *kasa (kasa kasa)* 'брат, младший брат' и *ne kasa* 'сестра, младшая сестра' и специализированные термины для обозначения старшего (а не младшего, как в региональном русском) сиблинга, а также младшего сиблинга родителей (что также нехарактерно для регионального русского): *inaa* 'старший брат, младший дядя', *abaa* 'старшая сестра, младшая тетя'. Таким образом, в данном случае нет оснований говорить о поддержке данного противопоставления в русском в системе родного языка.

Особый случай представляет собой использование в речи лесных энцев таких лексем, как *крыло* и *бакари*. Слово *бакари* обозначает особый тип обуви из оленьих шкур (этнографизм), но оно может использоваться и шире для обозначения любой уличной обуви (например, один из наших информантов называл *бакарями* резиновые сапоги) (собственно регионализм). Слово *крыло* используется в переносном значении для обозначения характерной для северных поселков реалии – метелки из птичьего крыла, утинового или гусяного (этнографизм). Тем не менее, обычный веник тоже окказионально может быть назван *крылом* (собственно регионализм).

2.2. Морфологические и синтаксические регионализмы

Некоторые существительные, имеющие в соответствии с литературной нормой ударение на основе (акцентный тип а в терминологии Зализняк 1967), в речи лесных энцев зафиксированы с ударением на окончании во всей парадигме (акцентный тип б) или в формах множественного числа (акцентный тип с): *олень (оле́ня, оле́ня⁹)*, *тунгус (тунгуса, тунгусы)*, *чум (чу́ма, чумы́)*, *камус (ка́муса, камуса́)*, *маут (ма́ута, маута́)*. Такой сдвиг ударения согласуется с известной тенденцией к переносу ударения с основы на окончание для наиболее освоенных, частотных слов, характерной в целом для русского языка (см. разбор этого явления в Зализняк 1977). В данном случае это касается группы слов, значительно более частотных в речи жителей данного региона, чем для жителей других мест. Интересно, что для слова *олень*, упомянутого выше, зафиксированы два варианта формы именительного падежа множественного числа – *оле́ня* (ожидаемый вариант со сдвигом ударения на окончание) и *оле́ни* (вариант, соответствующий литературной норме). Все остальные формы имеют стабильное окончание на окончании, возможно, исключение для формы именительного падежа связано с тем, что наши информанты знают о несоответствии литературной нормы региональной как раз в варианте «правильно не *оле́ня*, а *оле́ни*» и сознательно стремятся (особенно в нашем присутствии) говорить в соответствии с литературной нормой. Ср. ударение на окончании в форме творительного падежа и на основе в форме именительного в (1):

⁸ Ср. известные неологизмы, образованные по той же модели: *памперсы* ('подгузники марки «Памперс» > 'любые фабричные подгузники'), *ксерокс* ('копировальная машина фирмы «Ксерокс» > 'любая копировальная машина').

⁹ В скобках приводятся формы родительного падежа единственного числа и именительного падежа множественного числа.

- (1) Там какие-то опыты вели над **оленями**, **олéни** там были, говорит, голов пятьдесят, наверное, где-то.

Существительное *силки* ('ловушка'), напротив, зафиксировано в речи наших информантов с нестандартным ударением *си́лки* (ср. также диминутив *си́лушки*).

Большей освоенностью лексемы в региональном варианте русского языка по сравнению с литературной нормой можно объяснить и другое морфологическое несоответствие в области именной морфологии – выравнивание дефектной парадигмы слова *санки* (pluralia tantum). В разновидности русского языка, используемой лесными энцами, это слово имеет единственное число женского рода *санка*:

- (2) Оленью задницу, это, потерял, упала из **санки**, ну-у, упала.

Некоторые существительные в рассматриваемой нами разновидности русского языка не соответствуют литературной норме по роду и типу склонения¹⁰. Так, в речи лесных энцев нами зафиксировано слово *мозга* (женский род, *a*-склонение). Интересны слова *жердь* (также *жердочек*) и *кораль*: первое из $\emptyset$ -склонения женского рода переходит в $\emptyset$ -склонение мужского рода, второе, наоборот, из $\emptyset$ -склонения мужского рода переходит в $\emptyset$ -склонение женского рода. Мужской род слова *жердь*, возможно, объясняется влиянием слова *шест* (мужской род): общий и основной для обоих существительных частотный контекст употребления – 'шест / жердь для чума'. Женский род слова *кораль* можно объяснить влиянием слова *сетка* женского рода, связанного с региональным употреблением слова *кораль* в значении 'сетка для разделения оленей' (*коральная сетка* (ж.р.) > *кораль* (ж.р.)).

Характерной особенностью глагольной морфологии лесных энцев является использование форм настоящего времени *одеёт* ('одевает') и *стаёт* ('становится'¹¹).

Лесные энцы употребляют, наряду с литературными вариантами, прилагательные *энский* (от *энец*) и *ненский* (от *ненец*). Среди нестандартных образований прилагательных от существительных также следует отметить слова *жилковый* ('сделанный из жил') и *тундровской* ('живущий в тундре', употребляется в том числе как субстантивированное прилагательное).

Также в речи лесных энцев нами отмечены «тривиальные» морфологические отклонения от литературной нормы, маркированные скорее социально, нежели регионально: использование местоименных форм *ихний* (вместо *их*), *(н)ей* (вместо *(н)ее*), *(у) тебе* (вместо *(у) тебя*) глаголов *лóжить* (вместо *класть*), *садить* (вместо *сажать*).

В области синтаксиса в региональном варианте русского языка, используемом лесными энцами, отмечаются следующие частные особенности.

Очень частотны в русской речи лесных энцев конструкции с вопросительными местоимениями типа *X (ли) или что ли* со значением 'X или что-то подобное':

- (3) А вообще-то тогда, в то время они понимали, что надо **воду** давать **или что ли**.
(4) Да, да обязательно **родственница ты или кто ли**.

Референтом выражения *или что ли* может являться не только именная группа, как в приведенных выше: ср. пример на употребление той же конструкции с глагольной группой:

- (5) Ну не то чтоб что, **пошла** она там **или что ли**, а просто это...

Один из информантов аналогичным образом использует конструкции типа *X да что да*:

¹⁰ В речи лесных энцев также зафиксированы окказиональные случаи рассогласования по роду, которые мы, в отличие от данных случаев, объясняем недоосвоенностью русского языка (см. ниже в 3).

¹¹ Последней форме, видимо, соответствует отсутствующая в литературном языке основа инфинитива *става-* (*ставать, ставал*).

(6) Ну, **рыбий жир** да чо да огонь бросают...

Слово *умудряться*, существующее в литературном русском языке только в составе инфинитивной конструкции (*умудряться делать что-то*), употребляется нашими информантами примерно в том же значении ('изловчиться, обойтись'), но более широко, без обязательного инфинитива:

(7) Ну, как-то **умудрялись**, видать. (= 'как-то обходились') {из рассказа о том, как поступали в тундре, когда грудной младенец оставался без молока}

Из достаточно широко распространенных синтаксических явлений, лежащих за пределами литературной нормы, в речи лесных энцев зафиксировано употребление предлога *с* вместо литературного *из* и конструкции *пойти по* с дательным падежом:

(8) Вот **со снега**, со снега делаешь ... бугорок такой небольшой.

(9) В этот же год с дедом **по пастям** поехали. (= 'ставить пасти на песцов')

3. «Недоосвоенность» русского языка

Рассматриваемые ниже особенности, отмечаемые в русской речи лесных энцев, мы объясняем неполным усвоением русского языка, связанным с билингвизмом наших информантов. В отличие от нестандартных употреблений, отмеченных выше, рассматриваемые в этом разделе употребления по преимуществу окказиональны и свойственны разным информантам в очень разной степени.

В первую очередь, к употреблениям, свидетельствующим о недоосвоенности системы русского языка, следует отнести случаи рассогласования по роду (в энецком языке категория рода отсутствует):

(10) ... **мой песню** не унеси, мол!

(11) А четвертый собака-то вообще, с концом так и потерялся.

Наиболее частотны случаи согласования слов женского рода по мужскому роду, как в (10) – (11), но встречаются и случаи согласования слов мужского рода по женскому:

(12) Там чо тебе, это, расскажу про **свою дядю**, раньше.

В (12) употребление женского рода, видимо, обусловлено тем, что согласуемое существительное принадлежит к *a*-склонению, в котором преобладают слова женского рода.

В области глагольной морфологии возможны отклонения от литературной нормы, связанные с образованием глагольных основ:

(13) Ну, спит, наверно, **дремает**, наверно.

В данном случае презентная основа глагола *дремать* унифицируется по наиболее продуктивному типу *-a(ть) - -aj* (о продуктивности разных типов основ русского глагола см. [Dressler & Gagarina 1999]).

Также нами зафиксированы примеры, свидетельствующие о недостаточном усвоении видовой системы. Ср. пример на употребление глагола совершенного вида в конструкции *с начать*:

(14) Только это, **образоваться** начал-то этот, Таймырский-то, это, округ.

Упомянутые выше употребления, говорящие о недоосвоенности таких базовых элементов системы русского языка, как род, вид, глагольная морфонология, встречаются достаточно редко и особенно характерны только для одного из наших информантов. Большинство случаев, объясняемых нами недоосвоенностью языковой системы, относятся к достаточно тонким правилам русского языка. Так, в речи лесных энцев отмечается образование нестандартных номинализаций:

(15) *Деньги отдали-то им, ну, за переночевку.*

Встречается нестандартное предложно-падежное оформление обстоятельств времени:

(16) *Тоже в недавних годах, это, умер, дядя мой.*

(17) *А то время ... специальные ларьки бывали.*

Отмечаются окказиональные ошибки, связанные с выражением посессивных отношений:

(18) *Ноги болели всегда мне.*

(19) *... гнездо мы находили, вот тоже от этой утки.*

Зафиксированы несоответствующие литературной норме пространственные употребления предлогов в конвенционализированных контекстах: *из санки* вместо *с санок* (см. пример (2) выше).

Встречаются ошибки, связанные с тонкими правилами употребления прилагательных в предикативной позиции:

(20) *Дядя-то мой, отцовский брат, в это время женатый не был.*

Могут нарушаться правила употребления частиц *больше* и *еще* в позитивных vs. негативных контекстах:

(21) *Ну а больше чем будет-то ребенка кормить?*

Отмечается выражение цели при глаголах, имеющих в русском языке валентность места, а не цели:

(22) *Ну, остановились на новое место, значит.*

Наконец, встречается несоответствующее норме употребление конструкций, по-видимому, оцениваемых носителями как более официальные и потому более уместные в разговоре с приезжими:

(23) *При моей практике все молодые были, если молока нет, то раз, соску сунул в рот...*

4. Влияние (родного) энецкого языка

4.1. Фонетические особенности

Среди наиболее заметных и очевидных фонетических особенностей русской речи лесных энцев, связанных с энецкой фонетической системой, отметим следующие два: глоттализация гласных и реализация русских /s^j/ и /t^j/ как [ʃ] и [tʃ] соответственно.

Глоттализация имеет значимое место в энецкой фонетической системе: с одной стороны, в системе энецких согласных представлена фонема /ʔ/, одной из возможных реа-

лизаций которой является глоттализация соседнего или соседних гласных; с другой стороны, типична нефонологическая глоттализация гласных в абсолютном начале слова. В русской речи наших информантов также весьма распространена глоттализация гласных – наиболее типична глоттализация начальных гласных слова. На Иллюстрации 1 представлены осциллограмма и сонограмма слова *остался*, взятого из естественного текста на русском языке и произнесенного как [astálsə]; затемнением выделен сегмент, соответствующий звуку [a], имеющему на графиках характерные признаки глоттализованного гласного.

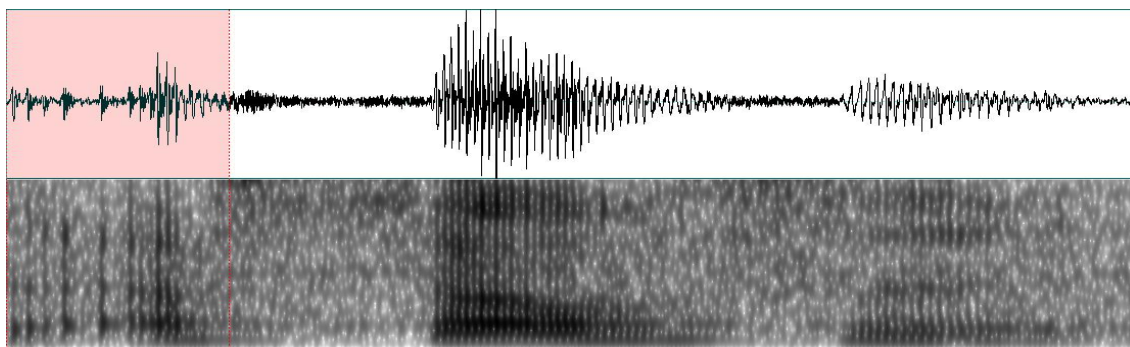

Иллюстрация 1. Осциллограмма и сонограмма произнесения слова *остался*.

В энецкой фонологической системе представлены два ряда согласных, которые естественно описывать как противопоставленные друг другу по признаку палатализации – /d/, /t/, /n/, /l/, /s/ и соответствующие им /dʲ/, /tʃ/, /nʲ/, /lʲ/, /sʲ/; в современном лесном диалекте палатализованной парой к /s/ является /sʲ/ (фонетически реализуется как [ʃ] или [ʃʲ]), а палатализованной парой к /t/ – аффриката /tʃ/ (фонетически [tʃʲ]). В русской речи лесных энцев также засвидетельствована реализация русских палатализованных фонем /sʲ/ и /tʲ/ как [ʃʲ] и [tʃʲ] соответственно. В примерах (24)–(26) слова *сестра*, *сидит* и *катится* произнесены как [ʃʲestrá]¹², [ʃʲidʲít] и [kátʃʲitsə].

(24) Ну вот моя **сестра**...

(25) А мать-то моя впереди там **сидит**.

(26) А вот обратно он не **катится**.

4.2. Лексические кальки

Влиянием лексической системы энецкого языка можно объяснить, например, характерные для лесных энцев нестандартные употребления слов *старуха* и *старик*:

(27) А она рассердилась, психанула – **старуха**-то моя.

В (27) речь идет о молодой (на тот момент) жене рассказчика, и слово *старуха* в данном контексте не указывает на возраст, а употребляется как синоним слова *жена*. Полисемия ‘старуха, жена’, обусловлено, видимо, влиянием энецкого *mensi* ‘1) старуха, 2)

¹² В речи по крайней мере одного из информантов мы также наблюдаем систематическое отсутствие качественной редукции гласных, не соответствующее литературной норме. Но поскольку не вполне ясно, как именно следует его объяснять, мы его здесь не обсуждаем.

жена'. Аналогичная полисемия существует в энецком языке у слова *busi* '1) старик, 2) муж' и, под его влиянием, у русского слова *старик*.

Еще одним характерным примером развития несвойственной для литературного русского языка полисемии под влиянием полисемии, наблюдаемой в энецком языке, является слово *товарищ*, которое употребляется лесными энцами значительно чаще и в значительно большем числе контекстов, чем это допускает литературная норма. Оно возможно применительно к людям, связанным какими бы то ни было отношениями, а также применительно к животным (и даже, хотя и редко, к неодушевленным предметам), образующим какую-то группу. Так, в предложении (28) один из наших информантов имел в виду свою жену, вместе с которой он шел за ягодами; в предложении (29) речь идет о собаках:

(28) *Вон товарищ мой сзади идет.*

(29) *Тот-то от товарищей старший был.*

Русскому *товарищ* в энецком языке соответствует слово *kasa* с полисемией '1) друг, товарищ, 2) член того же класса, 3) брат, 4) мужчина'. Следует отметить, что русское *товарищ* в речи лесных энцев не полностью копирует полисемию, наблюдаемую у слова *kasa*: употреблений слова *товарищ* в значениях 'брат'¹³ или 'мужчина' нет.

Вышеописанные лексические кальки конвенционализированы в региональной разновидности русского языка и используются не только носителями энецкого языка. Следует отметить, что соответствующая полисемия характерна не только для энецкого, но и для других самодийских языков, носители которых населяют тот же регион, так что в данном случае уместно говорить скорее о поддержке регионального варианта русского языка лексической системой энецкого, чем о непосредственном влиянии.

Следующий пример, напротив, иллюстрирует окказиональное употребление, которое можно объяснить непосредственным влиянием лексической системы энецкого языка:

(30) ... так же птица, утка, любая **птица летающая**, да и зверь такой же – перетаскивает ... {речь идет о потревоженном гнезде}

Употребленное в этом примере тавтологическое с точки зрения литературной нормы выражение *летающая птица* является калькой энецкого названия птиц *tfida sama* (букв. 'летающее животное').

С влиянием энецкой лексической системы связано, видимо, неправильное оформление синтаксических актантов при глаголах *знать* и *уметь* в русском языке, наблюдаемое у носителей энецкого. В силу того, что в энецком языке русским глаголам *знать* и *уметь* соответствует один и тот же многозначный глагол *teni-* '1) знать, 2) уметь' (а так же *d'xara-* '1) не знать, 2) не уметь'), носители энецкого языка игнорируют разницу в синтаксическом оформлении синтаксических актантов при глаголах *уметь* (*уметь* + инфинитив) и *знать* в значении 'уметь' (*знать, как*): они окказионально употребляют как конструкцию *уметь, как делать* (по аналогии с *знать, как делать*), так и конструкцию *знать делать* (по аналогии с *уметь делать*):

(31) *А потому что я не умею, как это делается.*

(32) *Ну, немножко писать там или что уже знали.*

Подобное смешение, однако, касается, только контекстов, синонимичных для русских *знать* и *уметь*: употреблений глагола *уметь* в других значениях, характерных для русского *знать* (типа **я умею этого человека*, **я умею, что сегодня вторник*), также обслуживаемых в энецком глаголом *teni-*, нами не зафиксировано.

¹³ Заметим, впрочем, что это утверждение отчасти спекулятивно, потому что брат, безусловно, мыслится как член того же класса, а потому может быть назван и *товарищем*.

Некоторые особенности русского языка лесных энцев можно объяснить влиянием моделей словообразования, представленных в энецком языке. Так, в энецком языке есть диминутивный суффикс *-ki*, значительно более продуктивный, чем русские диминутивные суффиксы. Видимо, влиянием продуктивной энецкой модели можно объяснить экспансию диминутивов в русском, отмечаемую в речи лесных энцев:

- (33) Лингвист: *Вот, Вы говорите, отдельный чум стоял, где роды были, да?*
Информант: *Ну чумочек, он небольшой так, чтобы женщина поместилась просто туда.*

В приведенном диалоге носитель энецкого языка, поправляет лингвиста, употребившего слово *чум* (а не соответствующий диминутивный дериват) для обозначения маленького чума.

4.3. Грамматические и синтаксические кальки

Следующие особенности русской речи лесных энцев можно объяснить влиянием грамматической системы энецкого языка.

В энецком языке есть система посессивных суффиксов. Энецкие посессивные суффиксы употребляются более регулярно, чем притяжательные местоимения в литературном русском языке: так, например, как правило, оформляются посессивными суффиксами термины родства. В русской речи лесных энцев, видимо, под влиянием энецкой системы наблюдается значительная экспансия притяжательных местоимений по сравнению с литературной нормой:

- (34) *Деда, я, говорю, у тебе чо, раньше твой бабка-то был, а?*

Энецким влиянием можно объяснить нестандартную компаративную конструкцию, используемую лесными энцами:

- (35) *Вот, это, тот, кто постарше, вроде, от сестры-то...*

Основание для сравнения в рассматриваемой конструкции выражается именной группой с предлогом *от*, а не беспредложной генитивной группой, как в литературном русском. Компаративная конструкция с предлогом *от* является очевидной калькой с энецкого, где основание для сравнения выражается формой аблатива:

- (36) mod¹ nɔzun¹? aga entʃiu-ʔ ma-mbi-tʃ
я я.ABL большой человек-NOM.PL сказать-НАВ-3PL.PST¹⁴
'Люди старше меня говорили'. (букв. 'от меня большие люди').

Влияние энецкого языка наблюдается в падежном оформлении количественной группы. В речи лесных энцев встречаются примеры на оформление существительного при количественном наречии (*много, мало, сколько...*) именительным падежом вместо ожидаемого родительного:

- (37) *Стадо полно, олэни много, вот от него и закупают там*

Ср. аналогичное падежное оформление в энецком:

- (38) sojuzzɔlɔtɔ-xon oka entʃiu-ʔ mɔzara-tʃ
Союззолото-LOC.SG много человек-NOM.PL работать-3PL.PST
'В «Союззолоте» много людей работало'.

¹⁴ При глоссировании примеров мы используем следующие сокращения: 3 – 3 лицо, ABL – аблатив, НАВ – хабитуалис, INF – инфинитив, LOC – локатив, NOM – номинатив, PL – множественное число, PST – прошедшее время, SG – единственное число.

В речи лесных энцев встречаются употребления творительного падежа в несобственно инструментальном значении ‘с помощью X-а, благодаря X-у’ (подобная функция имеется у инструментально-локативного падежа в энецком языке):

(39) *Вот коровьим молоком она и выросла.*

Влиянием глагольной системы энецкого языка на русскую можно объяснить частотность в речи лесных энцев выражений с семантикой предположения, неуверенности, неожиданности, незасвидетельствованности (*вроде, оказывается*):

(40) *Это в августе месяце было, вроде.*

В энецком языке данный круг значений выражается морфологически: с помощью суффиксов *-ta* (пробабилитив), *-daraxa* (суппозитив), *-bi* (так называемый перфект с адмиративным и инферентивным значениями).

В речи лесных энцев отмечаются употребления конструкции с глаголом *хотеть* для выражения проспективного значения (‘событие вот-вот произойдет’):

(41) *Там, говорит, мать моя ... ну, женщина рождает – это его мать была – хочет рожать, говорит.*

То же значение выражается в энецком языке с помощью конструкции с глаголом *кэма* ‘хотеть, собираться’:

(42) ɲoʃu   nɛ   ɟj-za   pɔga-ʃ   kɛma¹⁵
 один женщина грудь-3SG   сгореть-INF   хотеть.3SG
 ‘У одной женщины грудь вот-вот сгорит’. (Сорокина & Болина 2005: 226)

5. Заключение

В настоящих заметках мы рассмотрели отличительные особенности русской речи лесных энцев, проживающих в пос. Потапово. Мы отдаем себе отчет в том, что данная работа, безусловно, никак не может претендовать на полное описание всей системы локального варианта русского языка; мы лишь обозначили наиболее яркие черты, бросающиеся в глаза при столкновении лингвиста (а возможно, скорее просто носителя литературной нормы) с носителями этой системы.

Хотелось бы, однако, обратить внимание на следующее. Как мы оговорили заранее, классифицируя отличия русской речи энцев от литературной нормы, мы ориентировались на наиболее очевидные и притом наиболее доступные для нас источники сопоставительных данных: во-первых, литературную норму русского языка, во-вторых, систему лесного диалекта энецкого языка, в-третьих, наши самые поверхностные представления о других нелитературных русских системах. При этом для идеального описания такого рода, с одной стороны, требуется, конечно, более надежная информация о том, каков ареал распространения той или иной особенности русской речи. С другой стороны, мы сравнивали русскую речь энцев только с лексикой и грамматикой энецкого языка, но нельзя исключать, что анализ данных других коренных языков того же ареала может изменить наши представления. Любое сходство между нелитературной особенностью русской системы энцев и энецкой системой мы интерпретировали как влияние энецкой системы на русскую, но нельзя исключать, что часть таких случаев следует объяснять скорее через влияние всего множества коренных языков на более широкий региональный вариант русского языка.

Очевидно, что описанная нами система крайне неустойчива. Для целей данного сообщения мы, в основном, абстрагировались от различий в русской речи разных информантов даже среди перечисленной нами совсем небольшой группы, но следует иметь в

¹⁵ Фонологическая запись наша.

виду, что различия эти есть. Далее, мы не анализировали специально речь детей наших информантов, но очевидно, что хотя русская речь этого поколения также не соответствует литературной норме, факторы недоосвоенности русского языка и влияния энецкой системы играют для него существенно меньшую роль. В связи с этим обратим внимание на то, что нетривиальные особенности русской речи последних поколений носителей вымирающего языка представляют собой еще более эфемерное явление, чем сам вымирающий язык, и скорость языковых изменений здесь быстрее, чем где-либо еще.

Литература

Зализняк, А.А.: 1967, *Русское именное словоизменение*, Москва.

Зализняк, А.А.: 1977, 'Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода', *Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики*, Москва, 71–119.

Сорокина, И.П. & Болина, Д.С.: 2005, *Энецкие тексты*, СПб.

Терещенко, Н.М.: 1966, 'Энецкий язык', *Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки*, Москва, 438–457.

Dressler, W.U. & Gagarina, N.V.: 1999, 'Basic questions in establishing the verb classes of contemporary Russian', *Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вяч. Вс. Иванова*, Москва, 754–760.